

Ч. К. ЛАМАЖАА

«Клан»: понятие в социальных науках*

Перед исследователями клановости в политике на постсоветском пространстве — в ряде стран СНГ и регионов России стоит много задач для решения. В первую очередь следует уточнить понятие «клан». Современные трактовки кланов настолько отличаются от тех, которые были заложены в антропологических, этнографических исследованиях, что о вторых можно говорить как о «классических» в целом (при всем их многообразии), а о первых — как «неклассических».

КЛАССИЧЕСКИЕ ТРАКТОВКИ

Одной из главных традиционных проблем антропологии, этнографии стала неустойчивость определений «рода», «клана», «племени», которая особенно заметна уже в ранних работах Л. Моргана. Описания структуры родства, различных форм брачных связей, систем родства, обычаев экзогамии и эндогамии и многих других оставалось главными темами работ культурных антропологов, этнографов, изучавших в конце XIX — начале

XX века общественный строй народов колониальных стран Африки, Южной и Юго-Восточной Азии, Океании. При этом, как пишет Д. А. Ольдерогге, ясного и точного определения рода так и не сложилось, что обусловлено отсутствием четких границ в структурах общественной жизни, отсутствием ясных дискретных единиц. Каждый исследователь применял в своих трудах выработанную им систему терминов родства. Один и тот же термин у разных авторов имел разные значения¹.

Например, исследователи начала XX века одних и тех же народов низовьев реки Конго смешивали род и семью — две принципиально различные социальные структуры. Ван Винг назвал девять подразделений этнической группы баконго — лувилла кланами. В качестве признаков клана выступают, по мнению данного исследователя: родственные связи по линии матери, экзогамность, наличие своего имени (священного), особый набор личных имен, которые передаются от матери — дочери, от брата матери — его

* Статья подготовлена в рамках проекта «Клановость в политической жизни регионов России (на примере Тувы)», осуществляемого при поддержке РГНФ (грант № 07-03-00020а).

племяннику, сыну его сестры (считалось, что таким образом предки вновь возрождаются). При этом Ван Винг кланами также называет и семейные группы канда². Другие его коллеги также рассматривали род как синоним семьи, называя и то и другое кланами³.

Помимо разногласий по общим терминам, по-разному трактуются и составные части основных социальных структур, таких как род. Например, М. Салинс считает, что племя (tribe) распадается на подразделения — подплемена (subtribes); они состоят из деревень (villages), те, в свою очередь, включают в себя роды (sibs), последние состоят из домохозяйств (household)⁴. Очевидно, подчеркивает Д. Ольдерогге, что в этом и подобных ему других описаниях присутствует смешение кровнородственных объединений (рода и его подразделений) и чисто территориальных единиц (деревни, селения).

Подобные ошибки делали и западные авторы, и отечественные.

Особыми общественными единицами, по мнению Ольдерогге, являются большие семьи, семейные общины, которые имеют отличия и от кровнородственных объединений, и от территориальных единиц. М. О. Ковсвен перечисляет такие характеристики семейной общины (домовой общины или патриархальной семьи): три-четыре, иногда до семи поколений потомков одного отца, нисходящих и боковых, которые составляют одно хозяйство, покоящееся на коллективной собственности на землю и основных средствах производства, равном коллективном потреблении продуктов этого производства. Численность таких семейных общин доходила в старину до нескольких сот человек. Разрастание ее может привести к появлению патронимии, родственные патронимии образуют в совокупности патриархальный род⁵...

Ольдерогге в целом справедливо считает, что перенесение терминов одной культуры, одной системы родства на другую культуру, попытка сделать ее универсальной неизбежно ведет к упрощениям, к возникновению неточностей при анализе материала конкретной культуры. Точно так же и нельзя полно-

стью доверяться местной терминологии, так как она может применяться недостаточно четко и иерархически различные единицы родового строя в зависимости от случая могут быть названы одинаково. Это заметно по исследованиям и той культуры, в недрах которой родился термин «клан».

Слово «клан» («clann»), как пишет исследователь европейской истории Ю. М. Сапрыкин, на гэльском языке⁶ означал у кельтских народов, главным образом ирландцев, шотландцев и валлийцев (уэльсцев), наименование в одних случаях — рода, в других — племени. Позднее, в период разложения родовых отношений, этим словом стала именоваться группа кровных родственников, потомков одного древнего рода, носивших имя предполагаемого родоначальника. К имени добавляется приставка «мас» (сын) у шотландцев и ирландцев или «о» (внук) у ирландцев. Клань сохраняли общую собственность на свои земли, раздаваемые для обработки семьям, и соблюдали другие обычаи родового строя (кровная месть, круговая порука, выборы старейшин). В отдельных районах Шотландии и Уэльса клановая организация, как пишет Сапрыкин, сохранялась вплоть до XIX века⁷.

Согласно Г. И. Зверевой, клань Шотландии — это родовые объединения, которые состояли из нескольких родов — септов. Септы объединяли крупные патриархальные семьи — финны. Все члены септа вели свое происхождение от одного предка и носили одно родовое имя. Клань в первые века нашей эры на территории Шотландии образовывали королевство, которое заменило собой одно королевство кельтских племен скоттов в VI веке⁸.

Позже, в XIV–XV веках кланом (или семейством) стал называться феодально-дворянский род, который функционировал как автономное целое в условиях господства натурального хозяйства и политической раздробленности. Глава рода был феодальным магнатом, предки которого зачастую являлись выходцами из других районов. Он безраздельно распоряжался на пожалованной

ему земле, опираясь на многочисленную родню. Члены феодального семейства на отведенных им (на началах пожизненной аренды) землях эксплуатировали крестьян, оказавшихся в феодальной зависимости⁹.

В. Ю. Апрыщенко считает, что своеобразный тип общественной организации в Шотландии, ядром которой стала клановая система, сложился именно в XVI веке. Делая обзор основных исследований по Шотландии, он отмечает, что целостного подхода в науке к тому, что есть клановая система, так и не сложилось¹⁰. По его мнению, кланы были не просто объединениями, структурированными вокруг родовых, реальных или вымышленных связей и лидеров, если в основе их лежали отношения владения определенными территориями, которые порождали клановую собственность на землю, межклановую вражду, а позже и новые социальные группы землевладельцев и крестьян¹¹.

Очевидно, что даже в рамках общественного развития Шотландии понятие «клан» было не устойчивым и означало в разные периоды не одинаковые социальные объединения. Однако все же некоторые устойчивые признаки оставались неизменными для наблюдателей: родоплеменная (реальная или вымышленная), а также хозяйственная основа объединений. Соответственно этому понятие «клан» часто как синоним «рода» с разными вариациями активно использовался и продолжает использоваться в антропологии. А. Г. Морган обозначал этим словом патрилинейную группу — родственное объединение, возводящее происхождение к мужскому предку, Дж. Мердок и В. Райх — матрилинейную (женскому предку). У одних авторов клан — это община с локализованным кровнородственным ядром, у других — группа родственных семей, главы которых ведут свое происхождение от общего предка.

В целом, преобладающим в антропологии, этнологии стало представление о том, что кланом считается кровнородственная группа, члены которой возводят свое происхождение к общему предку (унилинейная) — мужскому или женскому, но не могут проследить все

свои родственные связи генеалогически. Клан может состоять из линиджей (англ. lineage от line — линия, ряд) — форм родственных объединений, которые могут проследить реальные генеалогические связи друг с другом.

Достаточно четко это выражено в концепции одного из основоположников структурно-функционального подхода, британского ученого А. Редклиффа-Брауна. По его мнению, в европейской научной традиции понятие «клан» определяется как сегмент общества, как некая система корпораций на базе родства, в котором человек от рождения получал права на некоторое количество людей. Он включал всех родственников по отцу и по матери, счет которым велся либо по мужской, либо по женской линии в определенных пределах, различных в разных сообществах, а возможно, и в одном и том же сообществе в разное время. Однако имеются общества, оговорил антрополог, в которых существует приблизительное равновесие между элементами статуса, приобретаемыми через отца, и теми, что приобретаются через мать, то есть существует двойная система кланов, как бы перекрывающих друг друга. Через мать ребенок получает членство в матрилинейном клане; через отца он становится членом патрилинейного клана. Для некоторой общественной упорядоченности, общества, строящие свою социальную жизнь на основе кланового деления, должны определиться с унилинейной преемственностью — обязаны выбрать или матрилинейную линию, или патрилинейную¹².

По Редклиффу-Брауну, клан — это группа, которая, хотя и не является фактически или доказуемо (генеалогически) линиджем, считается по целому ряду признаков сходной с линиджем. Обычно она состоит из нескольких подлинных линиджей¹³. В принципы объединения людей в клан тем самым входят не только родственные связи, но и солидарность. Тем не менее, это экзогамная группа, в которой принято жениться, выходить замуж за людей за пределами своего клана.

Что важно, в роде — клане речь идет, как подчеркивает Д. А. Ольдерогге, о социаль-

ной обусловленности счета родства. Включение в состав рода родственников одной линии счета родства исключает из состава членов рода другую их половину: так, при матрилинейном счете родства родственники по линии отца не считаются членами моего рода, хотя биологически некоторые из них оказываются гораздо более близкими, чем те, кто социально признаются сородичами. При патрилинейном счете родства все отношения прямо обратны¹⁴.

Надо отметить, что проблема родства для социальных наук, в том числе для антропологии, до сих пор остается спорной, противоречивой темой. Очень интересно по этому поводу пишет историк из Германии, исследователь проблем родства в Средневековье Б. Юссен: «... едва ли кто-нибудь станет спорить, что некая связь между биологией и родством существует. Но когда доходит до объяснения отношения между ними, большинство авторов высказывается туманно и аргументация их нередко оказывается непоследовательной»¹⁵. Антропологи полагают, что терминология родства опирается на биологию, однако между родством и биологией часто наблюдается разрыв, прежде всего культурно-антропологического характера (звание истинных родственников может даваться в культуре через присвоение этого статуса). Соответственно ученые пишут о естественном родстве и псевдорodстве. Однако, Б. Юссен не согласен с такой позицией, считая, что исследователи тем самым ограничивают себя в предмете, переносят на другую социокультурную реальность представления иной, своей культуры. Дело в том, что для изучаемых культур не было различий между «настоящим», «псевдо-», «фиктивным», «условным» и пр.

Например, в медиевистике используют разные категории, отграничивающие крестных родителей от кровных родственников. Но крестное родство не может называться фиктивным, так как оно не претендует на права наследования. Ритуал также не может рассматриваться как определяющий момент между крестничеством и биологиче-

ским родством, ведь существовали представления и о незаконном рождении, при которых даже биологически кровный ребенок не мог быть признанным, пока не проходил особого обряда инициации, признания его как «правового понятия». «Родство было только одной из многих категорий, с помощью которых люди вносили порядок в свою социальную среду и одновременно этот порядок легитимировали»¹⁶, — пишет Юссен.

Понимание того, что родство — это не биологический факт, а способ осмысления социальных связей, ментальная система, специфичная для каждой культуры, пришло лишь в последние двадцать лет. Но, естественно, подчеркивает упомянутый ученый, «не надо валить в одну кучу все, что называется родственными отношениями»¹⁷. Гораздо более продуктивным он считает изучение в определенной культуре родство не с помощью традиционных, устаревших классификаций родства, а с помощью, например, функционалистского подхода, который предложила Э. Гуди. Чтобы сделать возможным сравнительное исследование техник социального воспроизводства в различных культурах, она приняла в качестве родителей индивидуума всех тех, кто выполняет определенный набор задач: зачатие и рождение, наделение социальной идентичностью и собственностью, питание, обучение, помощь при переходе в мир взрослых. То есть исследовательница рассматривает типично родительские функции: физиологические, правовые, воспитательские. В таком подходе нет истинного и фиктивного родства, все отношения помещены в систему физиологических, юридических и воспитательных аспектов родительства, которые, как подчеркивает Б. Юссен, почти ни в одном обществе не ограничены одними только биологическими производителями.

Несмотря на некоторую ограниченность концепции Э. Гуди, подход демонстрирует, по мнению Юссена, новое поле для исследовательских задач. При работе с любой культурой важно признать родством все то, что эта культура сама осмыслила в терминах род-

ственных связей. Отношения родства к биологическому воспроизводству каждый раз необходимо выяснять заново¹⁸.

Однако подобная позиция еще не распространена в антропологии и в целом в социальных науках, она, скорее, исключение, чем правило. Для ученых важно опираться на определенную терминологию, на одинаковые схемы исследований для проведения сравнительных изучений, а не выработать в каждом случае уникальную терминологию, которая бы адекватно отражала системы родства в культуре и ее роль в общественной жизни.

Одним из таких универсализированных терминов, более того — изменивших в ходе использования свое первоначальное содержание, стал «клан». Вышеупомянутая социальная обусловленность, которую видели ученые в существовании социальной структуры — рода или клана, позволило впоследствии западным исследователям не только перенести известное в Европе шотландское понятие на другие культуры, а также говорить о клановых характеристиках других социальных групп внутри одного усложняющегося общества.

Термин «клан», помимо культурной и социальной антропологии, стал востребованным и в целом социальными науками. В первую очередь это было связано с исследованиями в области социологии семьи, в рамках которой клан рассматривался одной из разновидностей большой, патриархальной, традиционной семьи.

В течение длительного времени — до середины XIX века, как пишет отечественный исследователь А. Г. Харчев, семья рассматривалась как изначальная и по своей природе моногамная ячейка общества, исходный пункт его развития и его миниатюрный «прообраз»¹⁹. Впоследствии семьи чаще всего стали подразделяться на два основных типа: патриархальная, большая («традиционная») и нуклеарная, парная («современная»). Первый тип, к которому относился клан, определялся как расширенная семья (как минимум три поколения), построенная на родственно-семейном принципе организации всей

общественной жизни, перевесе ценностей родства над максимизацией выгод индивида, имеет своей основной экономической единицей семейное домохозяйство. В такой семье низкая социальная мобильность (как правило, сыновья наследуют социальный статус и профессиональную специализацию отца). В системе ценностей традиционной семьи на первом месте находятся: долг, следование традициям, авторитетам старших, ценностям детей. Выбор супруга подчинен интересам всей семьи.

С первой половины, а особенно в середине XX века, в науке получило распространение мнение о повсеместном сдвиге к нуклеарной семье, разрушению семьи расширенной, других типов родственных связей, в том числе и в странах третьего мира. Клан в этой ситуации стал рассматриваться как отживающая форма семейной организации. Традицию такого противопоставления форм семейной организации можно найти в трудах одного из французских классиков социологической мысли рубежа XIX–XX веков Э. Дюркгейма, хотя он не занимался собственно семьей, рассматривал ее как часть социальной структуры. Так, в работе «О разделении общественного труда» ученый пишет о том, что кланы являются основой общества первобытной стадии (продолжения еще более ранней стадии орды), его элементарными агрегатами, сегментами, которые образуют своим повторением данное общество²⁰. Клан, по Дюркгейму, — это семья в том смысле, что все составляющие его члены смотрят на себя как на родственников, и в большинстве случаев они действительно единокровные родственники. Однако, подчеркивает исследователь, это не семья в обычном смысле слова, так как не все члены клана состоят в единокровном родстве. Ношение одного и того же имени (рода, или фамилии — Ч. А.) не обязательно означает, что люди имеют общего предка.

В дальнейшем многие социологи признали ошибочным утверждение, что нуклеарная семья повсеместно становится доминирующей формой. В большинстве обществ, счита-

ют они, расширенная семья по-прежнему остается нормой, и сохраняется традиционная практика семейных отношений. Э. Гидденс подчеркивает, что «типы семейных систем разнообразны, и изменения в этих системах происходят в различных направлениях. Наблюдаются отличия в скорости происходящих перемен, имеется множество встречных тенденций»²¹.

Клан Э. Гидденс определяет как одну из больших родственных групп, выделяя следующие его характеристики: внутриклановые связи выходят за пределы обычных прямых семейных родственных связей; члены одного клана обладают, как правило, схожими религиозными верованиями, имеют экономические обязательства друг перед другом и живут в одной и той же местности. При этом главным признаком является идентификация. Поэтому собственно клан исследователь представляет как группу, «все члены которой считают, что они происходят (по мужской или женской линии) от общего предка, давшего начало клану несколько поколений назад»²². Таким образом, члены клана расценивают себя и рассматриваются остальными как коллектив, наделенный специфическими чертами.

НЕКЛАССИЧЕСКИЕ ТРАКТОВКИ

«Неклассическими» трактовками понятия «клан» можно назвать подходы ряда современных социологов, политологов, экономистов. Объединяет их взгляд на клан как особое социальное образование, в котором они не усматривают родственной основы. Для них кланы — не этнологические объекты и даже не семейные системы, а социальные группы с особыми характеристиками, часть из которых сходна с клановыми, например замкнутость, доверие между членами группы и пр. Такие отношения делают группы устойчивой формой взаимопомощи в неблагоприятных социальных условиях, стали востребованными в формальных и неформальных группах, а где-то даже целенаправленно культивироваться в менеджменте различных организаций. Соответственно клановость стала усматриваться социологами,

политологами как на Западе, так и в нашей стране в неродственных группах, которые и были названы кланами.

Неблагоприятные социальные условия, в которых исследователи стали усматривать функционирование новых неродственных «кланов», — это, прежде всего, трудные трансформационные процессы, сопровождающие модернизацию традиционных, бывших социалистических обществ, начиная с 1990-х годов. О кланах как о группах взаимопомощи, которые появились здесь, заговорили, например, западные исследователи. Подобная клановость стала считаться ими универсальной характеристикой социальной жизни России и всех постсоветских государств. По их мнению, перед странами бывшего соцлагеря не стоит дилеммы «план или рынок», им также чужд выбор «клан или рынок». «Стратегия их развития предполагает становление более развитой экономики через клан», — пишет американская исследовательница Н. Динелло, ссылаясь на мнение Г. Граббера, Д. Старка, А. Брусца (Бруста)²³.

Общественная жизнь современной России в противоположность структуре и ценностям гражданского общества, по ее мнению, организована иерархически. Дела общества находятся в компетенции начальников и чиновников, а рядовые граждане живут по принципу «моя хата с краю, ничего не знаю». Иерархические структуры — финансово-промышленные группы, которые пришли к власти, организованы по типу кланов. Это значит, что они представляют собой, по мнению Н. Динелло, вертикально интегрированную группу, в которой наверху стоит лидер бизнеса и «свой человек» в правительстве, ступенькой ниже — руководители банков, предприятий и средств массовой информации. Им подчиняются аналитики и консультанты, специалисты по общественным отношениям, журналисты, работники служб безопасности. Объединяющим принципом для кланов, с точки зрения исследовательницы, является принцип «Кто не с нами, тот против нас». «Кланы» воплощают в себе определенную стратегию кооперации в интересах уменьше-

ния неопределенности и усиления безопасности и стабильности.

О кланах в условиях формирующейся рыночной экономики исследователи пишут на материалах не только России, но других стран постсоветского пространства²⁴. Собственно тенденция, обозначенная выше как «от плана к клану», по мнению югославского социолога З. Видоевича, может показаться «слишком резкой», однако, исследуя политические элиты в трансформирующихся обществах, он фиксирует ее наличие: она «тем не менее, отражает существенную часть действительной трансформации»²⁵. Он считает, что создание политико-экономических кланов и явлений нового корпоративизма — это форма превращения части представителей этого класса в класс новых собственников, крупных и средних капиталистов. Собственно неокорпоративные кланы, по мнению Видоевича, представляют интересы отдельных крупных отраслей хозяйства и пытаются навязать их всему обществу.

Особенности российской экономической жизни, в которой стала царить клановость, напрямую связывают с политической системой страны и отечественные экономисты. В частности, А. Либман пишет о «клановой экономике», о «клановом капитализме»²⁶. Как в области права, бизнеса, так и в других сферах жизни России, считает он, присутствует дефицит доверия. «Радиус доверия» крайне узок и ограничен в основном кругом хорошо знакомых между собой людей. Эти круги, или «сети», исследователь и называет «кланами», в которых и осуществляется большинство сделок.

Экономист А. Е. Косалс, пишущий не просто о «клановом» капитализме в России, а даже о «клановом» государстве, дает такое определение кланов: это главные действующие лица сложившейся системы, которые «представляют собой закрытые теневые группы бизнесменов, политиков, бюрократов, работников правоохранительных органов, иногда представителей организованной преступности, объединенных общими деловыми интересами и неформальными отноше-

ниями в противоположность системе, где главную роль играют независимые предприниматели, конкурирующие между собой»²⁷. В границах клана неформальные внутригрупповые нормы и правила поведения играют более существенную роль, чем формальные законы, и несоблюдение первых карается гораздо более серьезно, чем нарушение вторых.

Экономисты признают тесную связь экономики и политики в России, а также пишут о клановом характере и той, и другой сфер. При этом они концентрируют свое внимание на финансово-промышленных группах — «кланах», хотя и подразумевают участие в них и власть предрержащих. Политологи и социологи, занимающиеся проблемами политики, уже говорят собственно о кланах во власти как неформальных структурах политической элиты.

Как пишет О. В. Крыштановская, новая российская элита стала стремительно возвращаться к патримониальным устоям политик прошлого, в том числе к традиционному клиентелизму. Кланов складываются вокруг влиятельного лидера и способствуют тому, что руководящие посты монополизированы этой неформальной группой элиты — единой правящей группы общества²⁸. Несмотря на то что Э. Гидденс рассматривает кланы больше как этнографические объекты (см. его определение в предыдущем параграфе), отечественная политология привлекает гидденсовское понятие, правда другое — «группы взаимопомощи»²⁹. Она полагает, что именно оно пригодно для ее трактовки кланов, так как речь идет об иерархической структуре, непостоянном членстве, наличии некоторых моральных принципов и общих интересов, связывающих группу. Клан формируется вокруг одного или нескольких политических деятелей, вербует сторонников, разрастается, стремясь к покрытию всего политического поля. Чем больше членов клана работает в разных иерархиях, тем больше его капитализация. Крыштановская также считает, что кланы функционируют вне рамок какой-либо одной властной корпорации, пронизывая многие структуры.

Автор приводит пример с кланом Чубайса, называя его одним из самых могущественных в России в начале 1990-х годов. Она вкратце обрисовала основные этапы эволюции этого клана: «начало «команды» Чубайса положила так называемая Санкт-Петербургская группа, состоявшая из самого А. Чубайса и его земляков С. Беляева и Д. Васильева», «эта группа начала формироваться в Госкомимущество (ГКИ) — ключевом ведомстве начала 90-х годов, ведающем приватизацией». Преобразование петербургской группы в элитный клан началось после отставки Чубайса с поста руководителя ГКИ. Клан выбрал в себя новых коллег Чубайса по работе в избирательном штабе Б. Ельцина на выборах 1996 года, в правительстве, где Чубайс занял пост первого вице-преьера, и администрации президента, которую он возглавлял с 1996 по 1997 год. Круг «своих» людей постоянно расширялся³⁰.

Другой авторитетный политолог О. В. Гаман-Голутвина признает мнение о том, что понятие «клан» в последние годы используется по-разному, неточно, в том числе потому, что у большинства так называемых кланов отсутствуют родственные и этнические отношения, которые и придают особую устойчивость и сплоченность подобным образованиям. Однако исследовательница все же считает обоснованным использование понятия «клан». По ее мнению, так же как и мнению С. П. Перегудова³¹, существо клановых отношений составляют такие черты, как клиентелизм, закрытость, сугубо корпоративная, партикулярная ориентация, которые и можно наблюдать у современной политической элиты России³². О. В. Гаман-Голутвина считает, что в 1990-е годы ведущими политическими субъектами в нашей стране стали кланы: «Особенностью внутриэлитной диспозиции при Ельцине было не разделение властей, а разделение кланов»³³. Наиболее могущественным элитным кланом она называет «семью» Б. Н. Ельцина. Кроме него политолог называет и земляческие кланы, в частности питерский, появившийся вместе с В. В. Путиным.

Наиболее же характерные элитные кланы она усматривает все же на региональном уровне, подчеркивая, что характер их там, особенно в национальных республиках, в значительной мере определен доминирующими моделями политической культуры. Основой кланов в них она называет нередко родственные и земляческие отношения, общность социального происхождения. В качестве примера Гаман-Голутвина приводит Республику Татарстан³⁴. В структурном плане татарстанская элита представляет собой совокупность концентрических кругов с центром в лице М. Шаймиева: первый круг — «семья» (родственники); второй — друзья «семьи»; третий — «социально близкие» высокопоставленные функционеры (этнические татары — выходцы из деревень); четвертый круг — «приближенные к трону» — функционеры, выдвинувшиеся благодаря деловым качествам, но с учетом безусловной личной лояльности первому лицу³⁵.

Ж. Т. Тощенко кланами во власти называет замкнутые группировки, не являющиеся, а только считающие себя избранными, лучшими в каком-то отношении. Однако в качестве формирующих принципов для кланов социолог допускает родство, протекционизм, землячества, замкнутое ближайшее окружение, иногда — профессиональные предпочтения. Тем самым в определении автора присутствует два типа кланов: во-первых, сформированные на политической концепции, национальной идее, во-вторых, на родоплеменных, узкогрупповых, эгоистических притязаниях³⁶.

* * *

В антропологических, этнографических трактовках кланов, как уже было показано, нередко встречаются смешения этого понятия с другими антропологическими: род, община, семья и пр. Несмотря на это, общим является убеждение в том, что в основе кланов находятся родственные связи и отношения.

В политологических, социально-экономических подходах также присутствуют свои понятия, которые часто ныне подменяются

«кланом». Среди них: политические команды, олигархические группы, клики, корпорации и пр. Исследователи далеко не всегда отличают особенности политических «кланов» от политических команд, корпоративных групп. Тем самым в отечественной политологии для определения неформальных групп в политике постсоветского времени активно используются термины, выражающие суть, как выражается американский политолог Э. Хейвуд, групп традиционного (общинного) типа³⁷. В отличие от них, в западной политологии распространены исследования групп интересов (например, в США) и групп давления (в Великобритании). Однако и эти понятия в самих научных школах, по признанию упомянутого ученого, имеют неоднозначные трактовки.

Очевидно, что классифицировать общественные группы в политике весьма непросто. Сложность заключается и в формах их объединения, и в интересах, которые они имеют, а также границах этих интересов, и в приближенности групп к вершинам власти и во многом другом. Смешение исследователями всех этих признаков и нюансов часто и приводит к несовершенству типологий, к тому, что в этой проблематике нет общепринятой терминологии. Сам же Хейвуд предлагает следующую типологию, на мой взгляд, которая решает большую часть этих исследовательских проблем.

В частности, он выделяет три типа групп: группы традиционного (общинного) типа, институциональные и ассоциативные группы. Чем они отличаются друг от друга? Главной чертой общинных групп является то, что они возникают на основе естественной, исторически сложившейся, структуры общества. «Проще говоря, — подчеркивает автор, — такие группы не создаются под какую-то цель, в них никто никого специально не приглашает и не принимает — человек в них живет с момента рождения»³⁸. Речь идет о семье, племени, касте, этносе и, добавим, клане.

Институциональные группы складываются внутри государства и проводят свое влияние внутри него и посредством него. Напри-

мер, бюрократия, армия. Они не способны существовать вне государства, не обладают такой самостоятельностью, как группы интересов. Чаще всего их можно встретить в авторитарных, бюрократических государствах, типа СССР, однако, как подчеркивает Хейвуд, институциональные группы играют важную роль и в демократических системах. Здесь их олицетворяют бюрократические элиты министерств, всевозможных государственных органов. Они в конечном счете и направляют политический процесс, управляя решением избранных политиков.

Ассоциативная группа — это добровольное объединение людей, которое ставит перед собой конкретную, можно даже сказать узкую, задачу, связанную с их общими интересами, устремлениями, взглядами. К ним и относятся и группы интересов, и группы давления.

Правда, признается Хейвуд, далеко не всегда можно четко отделить ассоциативные группы от других групп, даже общинного типа. Например, в развивающихся странах, где процессы социальной стратификации сильно изменили облик общества, интересы людей стали столь широко различаться, что традиционные модели поведения оказались размыты: на их место пришло стремление к самореализации, преследование чисто личных целей. Люди этого типа могут объединиться в группу, поставить перед собой задачу оказывать давление на органы власти. Тем самым мы получим «группу интересов»³⁹.

По всей видимости, для различения групп, для их описания, анализа следует обратить внимание в первую очередь на особенности политической культуры конкретного общества (степень традиционализма, характер социальных групп и пр.), а также на особенности их структуры (ядро, слои и пр.). Тогда будет очевидно, какой именно объект предстает перед нами.

Большинство групп, о которых пишут российские политологи, социологи, экономисты, являются все же группами ассоциативными, хотя и не без элементов общинного типа (клановости), с глубоким внедрением их в ин-

ституциональную среду (в государственный аппарат, в бюрократию). Это не кланы в том смысле слова, который в него был заложен антропологическими, этнографическими исследованиями. Это группы другого типа! Непонимание этого приводит к тому, что перед исследователями ускользает специфика объединений разных политических культур.

¹ Ольдерогге Д. А. Иерархия родовых структур и типы большесемейных домашних общин // Социальная организация народов Азии и Африки. М., 1975. С. 6–19.

² Van Wing. Etudes Bakongo. Bruxelles, 1959.

³ См.: Социальная организация народов Азии и Африки. М., 1975. С. 40–42.

⁴ Ольдерогге Д. А. Иерархия родовых структур и типы большесемейных домашних общин... С. 6.

⁵ Там же. С. 7. См.: Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963.

⁶ Гэльский язык (гаэльский) — язык шотландцев, населяющих северную (горную) часть Шотландии и Гебридские острова.

⁷ Сапрыкин Ю. М. Английская колонизация Ирландии в XVI — нач. XVII в. М., 1958.

⁸ Зверева Г. И. История Шотландии. М., 1987. С. 9–10.

⁹ Там же. С. 41.

¹⁰ См.: Апрыщенко В. Ю. Клановая система Горной Шотландии в период раннего Нового времени: характерные черты и особенности развития : автореф. дис. канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2002.

¹¹ Там же. С. 15.

¹² Рэдклифф-Браун А. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. М., 2001. С. 58–60.

¹³ Там же. С. 86.

¹⁴ Ольдерогге Д. А. Иерархия родовых структур и типа большесемейных домашних общин... С. 9.

¹⁵ См.: Юссен Б. Родство искусственное и естественное? Биологизмы в культурно-исторических концепциях родства // Человек и его близкие на Западе и Востоке Европы (до начала нового времени) / под ред. Ю. Бессмертного, О. Эксле. М., 2000. С. 85.

¹⁶ Там же. С. 93.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 97.

¹⁹ Харчев А. Г. Социология семьи: проблемы становления науки. М., 2003. С. 10.

²⁰ См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда // Западноевропейская социология XIX — начала XX веков. М., 1996. С. 256–309.

²¹ Гидденс Э. Социология. М., 1999. С. 370.

²² Там же. С. 363.

²³ Динелло Н. От плана к клану: социальные сети и гражданское общество // Профессионалы за сотрудничество. Ч. 1. (Гражданское общество: историко-философские корни, реальная практика, перспективы. Материалы конференции 1998 г.). М., 1999. См.: <http://www.prof.msu.ru/publ/book3/din.htm>.

²⁴ См.: Stark D. Privatization in Hungary: From Plan to Market or from Plan to Clan? // East European Politics and Societies. 1990. Vol. 4. P. 3; Лукин А. В. Демократия или клановизация? // Полис. 2000. № 3. С. 6; Boisot M., Child J. From Fiefs to Clans and Network Capitalism: Explaining China's Emerging Economic Order // Administrative Science Quarterly. 1996. Vol. 41.

²⁵ Видоевич З. Конфликты внутри и между политическими элитами трансформирующихся обществ // Социология в странах Центральной и Восточной Европы. Хрестоматия. М., 2005. С. 636.

²⁶ Либман А. Между «клановым капитализмом» и «управляемой демократией» // Свободная мысль. 2004. № 6.

²⁷ Косалс Л. Клановый капитализм в России // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. № 6. 2006. См.: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/50/ko17.html>.

²⁸ Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М., 2004. С. 83.

²⁹ Гидденс А. Социология. М., 1999. С. 284–285.

³⁰ Крыштановская О. Анатомия российской элиты. С. 84.

³¹ См.: Перегудов С. П., Лапина Н. Ю., Семенов И. С. Группы интересов и российское государство. М., 1999.

³² Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М., 2006. С. 335.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 390.

³⁵ Гаман-Голутвина О. В. (отв. ред.) Самые влиятельные люди России. Политические и эко-

номические элиты российских регионов. М., 2004. С. 160–184.

³⁶ Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России... С. 389.

³⁷ Хейвуд Э. Политология. М., 2005. С. 335.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 337.